

Марина Буевская (Донецк, Украина)

**МЕЖОНИМНЫЕ СВЯЗИ
В СТРУКТУРЕ ПОЭТОНИМОСФЕРЫ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

Buievska Maryna Vladimirovna

**BONDS BETWEEN ONYMS IN THE STRUCTURE OF
ARTWORK'S POETONIMOSPHERE**

Poetonimosphere of artwork is a structured, systematically organized and semantically dynamic integrity. It is not reducible to a simple set of proper names. As a specific construction of literary text poetonimosphere is insufficiently explored from the view of semantics and linguistic poetics. Poetonimosphere of Leonid Andreev's story «Bargamot and Garas'ka» was analyzed in the article.

Понимание природы и особенностей совокупности собственных имен художественного произведения сформировалось не сразу, но настойчивые попытки и стремление описать функционирование проприальных единиц как целостности способствовали превращению робких утверждений в теорию поэтонимосферы. В терминологии Донецкой ономастической школы *поэтонимосферой* принято называть систему собственных имен – *поэтонимов*.

Одним из основных положений теории считается признание того, что поэтонимосфера как специфический конструкт представляет собой систему, организованную по принципам иерархичности, обладающую внутренней семантической активностью и динамичностью, имеющую в своей структуре образования разного

уровня сложности. В ряде наших работ описаны некоторые из них: поэтонимы-ключи, поэтонимные “оси”, микро- и под-системы поэтонимосферы и др. Основанием для выделения этих структурных единиц являются связи и отношения между поэтонимами. Описание отдельно взятых имен произведения приводит, по нашему мнению, к потере существенных черт их совокупности. Поэтапный и последовательный анализ поэтонимосферы целесообразно проводить, основываясь на философском понимании категорий “часть” и “целое”. Представление о целом не складывается из простой “суммы” составляющих его частей. Это особое взаимодействие, где каждая единица обладает чертами самостоятельности и одновременно определяется зависимостью от целого системы, что влияет как на часть, так и на целое. Функционируя в художественном произведении, поэтонимы реализуют не весь объем значения, а лишь ту часть, которая актуализируется в контексте. Контекст является условием установления отношений и связей между поэтонимами в составе поэтонимосферы. Именно связи и отношения являются существенным фактором системной организации совокупности собственных имен художественного произведения.

Поэтонимосфера как специфический конструкт недоступна для непосредственного наблюдения. О ее природе и сущности можно судить, опираясь на ряд признаков, доминантными среди которых являются синергетическая семантика и конгенеративная поэтика, формирующиеся в результате взаимодействия компонентов поэтонимосферы между собой.

Чтобы проанализировать поэтонимосферу и продемонстрировать успешность предлагаемого подхода, контекстную обусловленность и экстралингвальную зависимость системы собственных имен, обратимся к рассказу Леонида Андреева «Баргамот и Гараська», ставшему первым после газетных фельетонов и судебных хроник, художественным произведением писателя. Межонимные связи в структуре рассказа превращают совокупность поэтонимов в тщательно продуманную, стройную поэтонимосферу, обладающую всеми чертами системности.

Впервые рассказ был опубликован в № 94 газеты «Курьер» от 5 апреля 1898. Отзывы современников были положительными. В творческой манере Андреева критиками сразу были обозначены чеховские черты. В 1902 году в журнале «Народное благо» (№ 15–16), не без влияния критики М. Горького, появилась вторая редакция рассказа, отличающаяся финалом. М. Горький, высоко оценив рассказ, раскритиковал заключительную сцену первой редакции – совместное утреннее чаепитие Баргамота и Гараськи, поступившего на службу в дом Баргамота. Из окончательного варианта рассказа эта сцена была исключена. В последней редакции произведение было переведено на многие иностранные языки.

Литературная критика находит в произведении основной мотив андреевского творчества – “стремление человека, каким бы маленьким и ничтожным он ни был, осознать, хотя бы в краткие моменты своего безрадостного существования, – личностную неповторимость и индивидуальность” [Свербилова 1989: 570]. Рассказ относится к так называемой “святочной” (в данном случае – пасхальной) или скорее “праздничной” литературе. Произведения такого рода характеризуются светлым и радостным финалом, в котором торжествует добро. Духовный или материальный кризис героев разрешается с помощью чуда, происходит внутреннее преобразование персонажей. Действие обычно происходит перед праздником. Это и случается с героями рассказа, когда сидят за одним столом в светлое Христово воскресение “пьянужка Гараська” и городской Баргамот. Происходит это после того, как надсмотрщик за уличным порядком отпустил воротник, за который удерживал пьяного Гараську, и тот, потеряв равновесие, упал наземь. Падая, Гараська раздавил пасхальное яйцо, которым хотел “<...> по-благородному... похристосоваться...” [Андреев 1989: 12]. В сознании Баргамота это происшествие связалось с желанием принести такое же яйцо своему сыну. Он представил, что яйцо, которого так ждет его сын, тоже разбилось. В праздник светлой Пасхи “воскресает” душа городского надсмотрщика, преобразается его внутренний мир и Баргамот понимает, что нарушитель

порядка “тоже душа живая” [Андреев 1989: 12]. Духовно очищается и Гараська.

Количество поэтонимов в рассказе невелико, однако это не только не влияет на качественную сторону поэтонимосферы, но делает ее даже более привлекательной для исследователя. В рассказе всего четыре поименованных персонажа, двое из которых называются по-разному. Городовой назван *Баргамотом* (59 употребления), *Иваном Акиндинычем* (2), *Иваном Акиндинычем Бергамотовым* (1), *Иван Акиндиновичем* (1) и (в речи Гараськи) *Баргамотом Бергамотычем* (1). Бездомный пьяница назван *Гараськой* (52), *Герасимом* (1), *Андреичем* (1) и *Герасимом Андреичем* (1). Остальные антропоэтонимы не столь частотны, что обусловлено периферийным положением носителей имён в фабуле произведения: жена городского *Марья* (3 употребления) и сын *Ванюшка* (2), *Ванятка* (1). Кроме названных, в рассказе использованы другие поэтонимы: библопоэтоним *Христос* (1); коннотативный антропоэтоним библейского происхождения – *Ирод* (1). Хронопоэтоним *Светлое Христово воскресенье* (1) определяет время события рассказа, топопоэтоним *Орел* (1), ойкопоэтонимы *Пушкарная улица* (7), *3-я Посадская улица* (1) и экклезиопоэтоним *Михаил(а) Архангел(а)* (1) — место действия. Л Андреевым использованы также два отонимных прилагательных: *гомерическая драка* и *сократовский метод*.

Но самым важным для нас является то, что именно с помощью средств номинации Леонид Андреев смог реализовать свой писательский замысел. Поэтика рассказа базируется на поэтике собственных имен. Он и начинается с ономастического обоснования имени одного из главных персонажей: «Было бы несправедливо сказать, что природа обидела Ивана Акиндиныча Бергамотова, в своей официальной части именовавшегося “городовой бляха № 20”, а в неофициальной попросту “Баргамот”. Обитатели одной из окраин губернского города Орла, в свою очередь, по отношению к месту жительства называвшиеся пушкарями (от названия Пушкарной улицы), а с духовной стороны характеризовавшиеся прозвищем “пушкари – проломленные головы”, давая Ивану

Акиндинovichу это имя, без сомнения, не имели в виду свойств, присущих столь нежному и деликатному плоду, как бергамот» [Андреев 1989: 6].

Поэтонимосфера рассказа имеет непростую структуру. Наряду с отдельными именами в ней функционируют микросистемы.

Первая – именованная членов семьи городского Баргамота: жена *Марья* и сын **Иван*. Официальная форма имени сына “реконструирована” на основе гипокористических форм *Ванюшка* и *Ванятка*: первая в речи отца, вторая – матери. Наличие этих форм устанавливает связь между поэтонимами, моделируя отношения между их носителями, основанные на параметрах “семейное положение” и “возраст”. Обратим внимание также на то, что сына Баргамота зовут так же, как и отца.

Несмотря на то, что количество собственных имен в составе поэтонимосферы невелико, именованная одного из заглавных персонажей рассказа – городского Баргамота также можно считать микросистемой. Во-первых, упоминается традиционная русская трехчастная форма именованная – имя, отчество, фамилия: *Иван Акиндинovich Бергамотов*. Кроме того, есть у этого персонажа два прозвища: «<...> в своей официальной части <...> “городовой бляха № 20”, а в неофициальной – попросту “*Баргамот*”» [Андреев 1989: 6].

Как бы уводя читателя в сторону от действительной внутренней формы прозвища, писатель пользуется характеристикой “от противного”, описывая Баргамота: “Обитатели одной из окраин губернского города Орла <...> давая Ивану Акиндинovichу это имя, без сомнения, не имели в виду свойств, присущих столь нежному и деликатному плоду, как бергамот” [Андреев 1989: 6]. Изысканность экзотического гибридного растения семейства рутовых, полученного путем скрещивания апельсина и цитрона, этого распространенного в России в XIX веке плода, используется как антиопределение “высокого, толстого, сильного, громогласного, напоминающего мастодонта” Баргамота, городского, имевшего служебную бляху № 20. Механизм образования этого прозвища традиционен – путем усечения фамилии: *Бергамотов* → *Баргамот*.

Прозвище городского противостоит его внешнему виду. Так как “околоточные надзиратели величали его дубиной” [Андреев 1989: 6], то, возможно, логичнее было бы образовать прозвище *Бегемот*. Такой вывод напрашивается не только из-за фонетической близости слов *бергамот* – *бегемот*. Автор характеризует городского, используя метод контраста: несмотря на “громадное тело” у Баргамота “маленькие, заплывшие глазки” [Андреев 1989: 6] (ну, чем не бегемот?). Огромный Баргамот живет в “маленькой, покосившейся хибарке” [Андреев 1989: 7]. Этот ход как бы подготавливает финал рассказа, когда “несокрушимая солидность” превращается в утонченную духовность. Кроме того, в речи пьяного Гараськи полицейский именуется *Баргамот Баргамотыч*. Кличка удваивается, и тем самым удваивается насмешка. Это прозвище “в квадрате” становится в один ряд с “самыми соблазнительными ругательствами и обидными прозвищами” [Андреев 1989: 12]: “<...> ты и морду-то всю готов разбить. Ирод!” [Андреев 1989: 12]; “Может, яичко-то у меня последнее? Идол!”. Таким образом, имена и прозвища городского составляют микросистему поэто-нимосферы рассказа.

В «Словаре коннотативных собственных имен» Е. С. Отина зафиксирован узуальный коннотативный антропоним с интралингвальной коннотацией и широким диапазоном известности *Ирод*. Все три значения, отмеченные в «Словаре...» актуальны для отконнотонимного поэтонима, употребленного Л. Андреевым: ‘Злодей, мучитель’, ‘Черт, нечистая сила’, ‘Ругательное слово’ [Отин 2006: 196]. Учет и второго значения объясняется словами Гараськи: “— Так я к тебе, *пузатому черту* [выделено нами. – Б. М.], и пошел!” [Андреев 1989: 13]. Слово *идол* в русском языке имеет значения: “1. Статуя, к-рой язычники поклоняются как божеству, истукан, кумир. 2. Дурак, болван” [Ожегов 1985: 205]. Очевидно, что в речи Гараськи это слово использовано во втором значении. Кроме того, в русском народном сознании присутствует представление об *Идолище Поганом*, былинном богатыре, представителе *темной враждебной силы, нехристи*. Эта экстралингвальная информация помогает вскрыть латентные, но, вместе с

тем, сравнительно легко эксплицируемые, привлекательные стороны поэтонимосферы рассказа.

Упоминание названия губернского города, на окраинах которого происходит действие рассказа, где, кстати, в 1871 родился сам Леонид Андреев, объясняет фонетическую особенность поэтонимов *Баргамот* и *Гараська*. Писатель, хорошо знакомый с особенностями южнорусского орловского говора, характеризующегося аканьем в безударных слогах, использует именно “народные” формы имен, где гласный предударных слогов [e] произносится как [a] вследствие регрессивной ассимиляции по способу образования, что и работает на достижение целей реалистического творчества. Таким образом, и формальная организация поэтонимов доказывает существование и действенность связей и отношений между поэтонимами.

Законы реалистического творчества требуют от автора следования принципам достоверности изображаемых объектов. Как уже было сказано, топопоэтоним, ойкопоэтонимы и экклезиопоэтоним определяют место действия рассказа.

На карте современного города Орла отыскиваются 1-я и 2-я Пушкарные улицы. В 1874 году отец Андреева купил место на 2-й Пушкарной улице и построил большой деревянный дом № 41, где будущий писатель провел свое детство, где родились братья и сестры Андреева, где с 21 августа 1991 работает музей Леонида Андреева.

Также легко отыскать и Посадские улицы – 1-ю и 2-ю. Известно, что с середины XVI века ведет свою историю Посадская слобода, которая возникла сразу после основания Орловской крепости. Впервые две Посадские улицы и 1-й Посадский переулок, который впоследствии стал 3-й Посадской улицей, появляются на карте Орла 1842 года.

Вернемся к рассказу: “Часу в десятом теплого весеннего вечера Баргамот стоял на своем обычном посту, на углу Пушкарной и 3-й Посадской улиц” [Андреев 1989: 7]. История свидетельствует, что до 1917 года оставалось три Посадские улицы. Сейчас в Орле две улицы с таким названием. Обратим внимание на то, что рас-

сказ запечатлел реальный план города 1898 года. Кроме того обнаруживается еще один конкретизирующий момент. Гараська спрашивает Баргамота: “— А у Михаила-архангела звонили?” [Андреев 1989: 11]. Церковь Михаила Архангела (Успенская), которая располагается на правом берегу Орла, ведет свою историю с XVI века, то есть начало ее существования практически совпадает с появлением Посадской слободы, где она и расположена. До наших дней Успенскую церковь в народе называют *церковь Михаила Архангела*. Причиной этого является то, что в Посадской слободе всегда проживал ратный люд, а Архангел Михаил считается покровителем воинов. На протяжении своего существования Успенская церковь была самым монументальным, величественным и наиболее вместительным культовым сооружением в г. Орле. Располагалась она, как свидетельствуют орловские краеведы, рядом с мостом через реку Орлик. На современной карте Орла видно, что пересекаются 1-я Пушкарная и 1-я Посадская улицы. И пересечение находится недалеко от современного Тургеневского моста, одного из крупных в городе, сохранившихся как минимум с XIX века. Съемка Орла со спутника, которую позволяет увидеть Google Map, показывает, что практически рядом с пересечением этих улиц находится Михайло-Архангельский переулок, а строение № 20 на этом переулке – Успенская церковь. Сказанное, с одной стороны, удостоверяет стремление Л. Андреева не просто соответствовать установкам реализма как литературного направления, но следовать журналистским навыкам, приобретённым во время репортерской работы. С другой стороны, все использованные в рассказе топоэтонимы представляющие второй план поэтонимосферы, – суть поэтонимы, существующие в виртуальном художественном мире, сотворённом писателем, и совсем не обязательно должны в точности отражать реальность. Однако это тема других исследований.

Ироническая характеристика улицы, на которой служил Баргамот, осуществляется с помощью отонимного прилагательного *гомерический*. Улица “все свои часы досуга <...> посвящала гомерической драке” [Андреев 1989: 7]. То есть драка на Пушкарной

была такой страшной и воинственной, как, например, описанные Гомером Троянская война или мщение Одиссея женихам. Следует сказать, что весь рассказ пронизан легкой иронией. Подобным отонимным прилагательным с насмешкой характеризует Андреев Гараську: “У него, очевидно, была своя мысль, к которой он и начал подходить сократовским методом!” [Андреев 1989: 11]. Имеется в виду стиль ведения дискуссии, когда собеседнику задаются доброжелательные вопросы, на каждый из которых следует ответ. Так построены все диалоги Платона, в которых Сократ подводил собеседника к более отчетливому видению предмета обсуждения и получению выводов, которые изначально не были очевидными. Так, Гараська пытается обратиться к Баргамоту: “— А скажи, господин городской, какой нынче у нас день? <...> — А у Михаила-архангела звонили? <...> — Христос, значит, воскрес? <...>” [Андреев 1989: 11].

От “проломленных голов” должен был защищать Баргамот свою улицу, обеспечивая безопасность всему населению Пушкирской. Неслучайным в такой ситуации оказывается отчество главного персонажа – *Акиндинович*, указывающее на то, что спокойствием на улице заведует сын Акиндина. Это имя имеет греческое происхождение – от греч. *akindynos* ‘безопасный’.

В тексте рассказа встречается два варианта отчества: официальная – *Акиндинович*, и разговорная — *Акиндиныч*. Нормы орфоэпии предостерегают от употребления отчеств в таком произношении. И та, и другая форма отчества городского присутствует в авторской речи. Автор не акцентирует на этом внимание, но в речи других персонажей присутствует только простонародная форма.

Отчество в рассказе выступает основным средством поэтики. Критики отмечают, что рассказ написан под влиянием очерка Г. Успенского «Будка», где пьяного портного Данилку только девушка из “заведения” называет по отчеству, за что Данилка и решает на ней жениться. В рассказе «Баргамот и Гараська» от оскорбительных прозвищ пьяница переходит к официальной форме обращения: “— Верно говорите, Иван Акиндиныч <...>” [Андреев

1989: 13]. Жена городского Марья обращается к мужу на “вы” и по имени-отчеству: “— Иван Акиндинч, а что же вы Ванятке-то... сюпризец?” [Андреев 1989: 13]. Только в речи жены Баргамота Гараська назван по отчеству, и также “с нарушением” норм орфоэпии – *Андреич*. Кроме того, Марья использует и полное имя *Герасим* по отношению к необычному гостю в отрепьях. Особое внимание следует обратить на то, что имя *Герасим* в переводе с древнегреческого γερῶσιος – ‘уважаемый’, ‘чтимый’. И отчество Гараськи имеет греческое происхождение и образовано от имени *Андрей* – *νδρέας*, которое в древнегреческом языке имеет значение ‘мужественный’, ‘храбрый’.

Как и предполагает жанровая природа рассказа, происходит внутреннее преобразование персонажей. Именно употребление отчества “поднимает” в Гараське его человеческое достоинство: “— По отчеству... Как родился, никто по отчеству... не называл...” [Андреев 1989: 14]. Но оказывается, что нет разницы между Баргамотом и Гараськой. Они оба бедные и несчастные люди: второй деклассированный пьяница, а первый всего лишь навсего “*бляха № 20*”: “— Да разве вас можно не бить? – спросил Баргамот *не то себя, не то Гараську* [выделено нами. – Б. М.]” [Андреев 1989: 12].

Совместное функционирование поэтонимов рассказа определило место каждой из единиц в системе поэтонимосферы, что качественно отразилось на всех собственных именах художественного произведения, на всей совокупности проприальных единиц и на тексте в целом.

Анализ поэтонимосферы рассказа «Баргамот и Гараська» позволяет ещё раз подтвердить сделанные нами ранее при анализе других реалистических произведений выводы: 1) поэтонимосфера реалистического художественного произведения моделирует реальную онимию; 2) совокупность собственных имен представляет собой иерархически организованную систему, основанную на связях и отношениях между ее компонентами; 3) лингвальные и экстралингвальные факторы детерминируют свойства поэтонимосферы как художественной целостности; 4) полиструктурные свойства и иерархические признаки в отношениях между компо-

нентами работают по преимуществу на художественное целевое назначение поэтонимосферы литературного произведения; 5) совокупность компонентов поэтонимосферы разного уровня сложности и интегративный результат их взаимодействия порождают качественно новое с точки зрения семантики и лингвистической поэтики образование.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев 1989:** Андреев Л. Н., *Анатэма*, К., 1989.
Ожегов 1985: Ожегов С. И., *Словарь русского языка*, М., 1985.
Отин 2006: Отин Е. С., *Словарь коннотативных собственных имен*, Москва-Донецк, 2006.
Свербилова 1989: Свербилова Т., *Жизнь человека и парадоксы бытия* // Андреев Л. Н., *Анатэма*, К., 1989.
Скоробогатов 2004: Скоробогатов М., «*И храм этот тёмный и старьей...*», Орел, 2 апреля 2004 г.

Сведения за автора:

Бувеская Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинского, русского языков Донецкого национального медицинского университета им. М. Горького, директор Благотворительного фонда гуманитарных исследований и инициатив «Азбука». Сфера научных интересов: сравнительное языкознание, поэтонимология, онимография, методика преподавания русского языка как иностранного. Адрес: пр. Ильича, дом 6, кв. 33, г. Донецк, 83001, Украина. Сайт: www.azbuka.in.ua; www.ukr-rus.dsmu.edu.ua Телефон: +38 (063) 560-60-11. E-mail: buevskaya_marina@mail.ru.